

Кан Чжэ говорил, что если не считать сезона дождей в июле и августе, в Западной Сычуани почти всегда сухо и ясно. В середине апреля солнце щедро освещало степи и реки: всё вокруг сияло. Тан Юйхуэю казалось, что воздух — прозрачное твёрдое тело, застывшее между лазурью неба и яркой зеленью земли.

Рассеянный свет скользил по молодым росткам пшеницы, по мерцающей водной глади, летел рядом с ревущим мотоциклом, на котором ехали Тан Юйхуэй и Кан Чжэ, а затем вместе с ветром оставался позади. Тан Юйхуэю казалось, что за всю жизнь он ещё не видел ничего столь чистого и ясного. Высокое небо, белоснежные облака — душа словно омылась, и от радости хотелось кричать. Но в реальности всё вокруг оставалось лишь безмолвным фоном этого прекрасного дня. Потому что, когда Тан Юйхуэй сидел на заднем сиденье мотоцикла, обняв Кан Чжэ за талию, ему казалось, будто он прижался к безмолвной горе — все слова стали ненужными.

Тан Юйхуэй запрокинув голову, уставился на облако, заслоняющее солнце и окаймлённое золотым светом. «Приблизимся ли мы к тебе?» — подумал он. Пока длилась эта поездка, он не отрывал взгляда от этого облака.

Когда Кан Чжэ остановился у обочины, у Тан Юйхуэя, который долго сидел, задрал голову, шумело в ушах. Едва он ступил на землю, как в глазах потемнело, и Кан Чжэ подхватил его. Это было рефлекторное движение, но Тан Юйхуэй тут же вежливо отпустил его руку, отошёл к дереву и присел, чтобы отдышаться.

Кан Чжэ закурил, стоя рядом, и увидев, что Тан Юйхуэю стало лучше, вынул сигарету изо рта, зажал её в пальцах и протянул ему другую руку:

— Можешь идти?

Тан Юйхуэй молча смотрел на его ладонь. Кожа на ней была тёмной и потрескавшейся, как и следовало ожидать, но ногти были чистыми, на длинных пальцах резко выделялись суставы, линии на широкой ладони словно рвались на свободу, стремясь удлиниться до предела. Он не принял протянутую руку, а поднялся, оттолкнувшись от земли. Кан Чжэ не стал настаивать, бросил окурки на землю, раздавил его и повёл Тан Юйхуэя к полю.

Тан Юйхуэй всегда знал, что все злаки прекрасны. Их красота несёт в себе что-то священное, словно они — и юные девушки, и заботливые матери. Он видел пшеничные поля, видел изумрудно-зелёные рисовые террасы в южных деревнях, но никогда не представлял себе, что ячменные поля — такие... На бескрайней равнине каждый стебелёк ячменя без устали танцевал на ветру, в движении соединяясь с другими, образуя волнующееся зелёное море. Казалось, ячмень размеренно дышит, и мягкие всходы, покачиваясь верхушками, шелестели весеннюю песню.

Кан Чжэ привёл Тан Юйхуэя в самое сердце бескрайнего поля, а потом по едва заметной тропинке, скрытой среди ростков, к одинокому дереву. Вдали, согнувшись, работала пара в крестьянской одежде. Уловив движение, они заметили молодых людей, выпрямились, и женщина помахала Кан Чжэ рукой. Кан Чжэ лучезарно улыбнулся и, остановившись, помахал в ответ.

— Это мои родители, — потягиваясь, сказал он.

Тан Юйхуэй опешил, но тут же встал на цыпочки и, едва не подпрыгивая, тоже начал махать им. Кан Чжэ на секунду замер от такого порыва. Фигуры вдали, казалось, замешкались, а затем женщина оживилась и энергично, сильнее прежнего, начала махать в ответ. Потянув за собой мужа, она заставила махать и его, а потом что-то крикнула Кан Чжэ по-тибетски, Тан Юйхуэй не понял ни слова. Кан Чжэ ответил, тоже на тибетском, и, глядя на Тан Юйхуэя с едва заметной улыбкой, спросил:

— Чему ты так радуешься?

«Я и сам не знаю, — подумал Тан Юйхуэй. — Но, наверное, догадываюсь. Только думать об этом нельзя». Его сердце бешено колотилось, не замедляясь ни на секунду с того момента, как он вышел из дома, словно какая-то невидимая сила пыталась разорвать тонкую кожу и вырваться наружу, заставляя Тан Юйхуэя смеяться от души и прыгать от счастья. Тан Юйхуэй медленно присел — горная болезнь ещё не совсем прошла, и резкие движения вызвали привычную нехватку кислорода. Он улыбнулся Кан Чжэ:

— Сам не знаю, но мне так хорошо.

Кан Чжэ промолчал, посмотрел на него, а потом тоже присел рядом. Тан Юйхуэй растерянно смотрел на две одинаковые тени на земле и чувствовал, как к его щеке приближается тепло. Едва уловимый табачный шлейф сигарет Кан Чжэ проникал в ноздри и взрывался в голове. Ресницы Тан Юйхуэя затрепетали.

Внезапно Кан Чжэ остановился на расстоянии поцелуя, его лицо замерло в нескольких сантиметрах от Тан Юйхуэя. Воздух между ними словно застыл. Тан Юйхуэй был рад, что не закрыл глаза — это его выдало бы. Он увидел, как Кан Чжэ протянул правую руку к приятно пахнущей сухой коре дерева позади него. Не оборачиваясь, он почувствовал, как пальцы Кан Чжэ что-то осторожно сжимают.

Первое, что он увидел, — две пары прозрачных, будто сотканных из воздуха, крыльев. Затем — тонкое тельце и огромные глаза. Стрекоза. Тан Юйхуэй, не в силах оторвать взгляд, смотрел на неё. Дыхание Кан Чжэ обжигало ухо:

— Редкая.

Тан Юйхуэй поднял голову, переводя взгляд с изящного насекомого на глаза Кан Чжэ. Такие чёрные... с синевой по краям, словно отблеск холодной воды. Кан Чжэ прикрыл веки. Не выпуская стрекозу, другой рукой он бережно разжал пальцы Тан Юйхуэя и, не дав ему схватить, осторожно пересадил стрекозу на его раскрытую ладонь.

— Дарю.

Тан Юйхуэй не осмелился сомкнуть пальцы — стрекоза, взмахнув стеклянными крыльями, унеслась прочь, оставив лишь лёгкий след в воздухе.

Кан Чжэ поднялся, отряхнул руки и, стоя против света, превратился в светлый силуэт с размытыми контурами.

— Посиди здесь или прогуляйся. Я пойду помогу родителям.

Сердце Тан Юйхуэя бешено колотилось. Он всё ещё думал о стрекозе, которую не смог удержать, о той красной стрекозе, вылетевшей из светящейся дымки сна. Он рассеянно кивнул, не отрывая взгляда от размытого светом силуэта Кан Чжэ, который казался ему ещё более прозрачным, чем это хрупкое насекомое.

Вскоре Кан Чжэ растворился в зелёном море ячменя. Тан Юйхуэй наблюдал за ним какое-то время, но кроме ожидаемой ловкости, красоты и скорости движений Кан Чжэ ничего интересно он не заметил.

Открыв приложение «Здоровье», он положил телефон на землю и измерил свой пульс, который никак не хотел успокаиваться. Скриншот он отправил Кэ Нину: «Кэ Нин, руководствуясь научным подходом, какие выводы можно сделать из этих данных?»

Кэ Нин ответил быстро. У Тан Юйхуэя были все основания подозревать, что тот снова не пошёл в лабораторию, а спит в общежитии или играет в телефоне: «Сяо Тан, если ты не занимаешься деятельностью, которая может вызвать гормональный всплеск, то в иных обстоятельствах я бы предположил, что ты получил государственную премию за научные достижения. Но, учитывая контекст, могу с уверенностью сказать, что твой мозг захвачен моноамином, или, если ты хочешь социальное объяснение, — любовью».

Тан Юйхуэй отложил телефон. Ячмень снова колыхался, счастливо обнимая Кан Чжэ зелёным морем, ветер шевелил полы его рубашки, превращая их в белое облако, плывущее над полем. Кан Чжэ обернулся, увидел, что Тан Юйхуэй всё ещё стоит под деревом, словно в трансе, и крикнул, смеясь:

— Да иди уже сюда!

Тан Юйхуэй сунул раскалённый телефон в карман. Капля пота скатилась по виску, пробежала к подбородку и упала на землю. Он знал, почему потеет. Вода — это первое химическое проявление чувств, как и слёзы. Он пошёл навстречу Кан Чжэ.

Автору есть что сказать. Все научные термины взяты из Baidu (если что-то неверно, я исправлю). Считается, что объём одной капли воды составляет около 0,05 мл. Плотность пота немного отличается из-за содержания соли, но здесь для простоты принято, что масса капли равна 0,05 г.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12810/1130169>